

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
П21

Tim Powers
EXPIRATION DATE

Copyright © 1995 by Tim Powers

Оформление серии *Андрея Саукова*
Дизайн серии и иллюстрации на форзаце и нахзаце
Василия Половцева
Иллюстрация на переплете *Анны Пантюшиной*

Пауэрс, Тим.

П21

Последний выдох / Тим Пауэрс ; [перевод с английского А. Гришина, Е. Рябцевой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 608 с. — (Большая фантастика).

ISBN 978-5-04-106484-6

Существует магический способ получить бессмертие, поедая призраков, глотая последний выдох. И существуют силы, живущие этим.

Кути понятия не имел, чем обернется его бунт. Разбив бюст Данте, мальчик находит пробирку с духом легендарного ученого — призраком Томаса Эдисона. За ними начинают охотиться и призраки, и люди.

Салливан пытается убежать от воспоминаний. Он узнаёт, что призрак его отца в опасности, и решает помочь. Доктор Элизед испытывает вину за смерть пациента и ищет способ искупления.

Роковые события сводят их вместе, чтобы раскрыть преступление и подарить покой умершим.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

© А. Гришин, Е. Рябцева, перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-106484-6

*Брендану и Регине Пауэрс,
чудесным друзьям и родственникам*

И с глубокой благодарностью Крису Арене, Скоту Армстронгу, Глории Бэтсфорд, Брайану Билби, Джиму Блейлоку, Филу Дику, Аарону Дитриху, Майку Донохью, Энтони Фостеру, Кендаллу Гармону, Тому Гилкриту, Джаку Гринспону, Кену Лопесу, Джо Мачуге, Эду Макки, Денни Мейеру, Крису Миллеру, Дину Муди, Дейву Морану, Дэвиду Перри, Серене Пауэрс, Сэму Раймеру, Меган Робб, Рэндалу Роббу, Роджеру Роче, Лью Шайнеру, Фреду Спичеру, Кейт Сэндборн, Рою Сквайерсу, Кирстен Тайерни, Эду и Пат Томас и Дэну Вланте...

И с признательностью Арту, Биллу, Бобу, Дейву, Деннису, Дугу, Фрэнку, Грегу, Джейн, Джоди Джо, Джоэлу, Маку, Марио, Майклу, Нику, Пегги, Ричу, Тому, Уильяму и всем прочим участникам банды «1924» — и в особенности Чарли.

КНИГА ПЕРВАЯ

**ОТКРОЙ ЗОЛОТЫЕ
ВОРОТА**

Трентон, Нью-Джерси — Томас А. Эдисон, изобретатель электрической лампочки, среди бесчисленных знаков мирового признания которого названные в его честь город в Нью-Джерси и колледж, получил диплом об окончании колледжа — в воскресенье, спустя 61 год после смерти.

Колледж Томаса Эдисона штата Нью-Джерси присвоил своему тезке степень бакалавра наук за достижения при жизни.

*Ассошиэйтед пресс,
понедельник, 26 октября 1992 г.*

Глава 1

— На что мне безумцы? — сказала Алиса.

— Ничего не поделаешь, — возразил Кот. — Все мы здесь не в своем уме — и ты, и я.

— Откуда вы знаете, что я не в своем уме? — спросила Алиса.

— Конечно не в своем, — ответил Кот. — Иначе как бы ты здесь оказалась?

Льюис Кэрролл.

Алиса в Стране чудес¹

Когда он был маленьким, лет четырех-пяти, в гостиной всегда было сумрачно, как в церкви, большие окна закрывали плотные гардины, и повсюду громоздилась тяжелая темная деревянная мебель, украшенная резными стилизованными листьями, гроздьями и когтистыми лапами. Сейчас гардины снимали, и Кути видел через окно газон — в свете раннего вечера скорее золотой, чем зеленый, и пересеченный длинными тенями сикомор, — гостиная была теперь выкрашена белой краской, и из мебели там имелись лишь белые деревянные креслица и кофейный столик со стеклянной столешницей.

Камин тоже был теперь белым, но на полке все еще стоял старый черный бюст Данте, единственная реликвия,

---

¹ Эпиграфы, кроме специально оговоренных случаев, цитируются по переводам Н. М. Демуровой.

отражавшая прежний вкус его родителей. Он долго называл его Данте Офигели.

Кути наклонился со стула и зажег торшер. Слева от него привалился к входной двери его голубой нейлоновый рюкзак, а повыше перед ним блестели похожие на черные оливки глаза Данте. Кути вдруг подскочил с кресла и метнулся к камину.

Он знал, что прикасаться к Данте запрещено. Это было правилом, которое он всегда знал и без труда соблюдал. Теперь, в одиннадцать лет, он уже не считал, что выкрашенные черной краской голова и плечи — это всего лишь вершина маленького тела, спрятанного в кирпичном портале камина, и за эти дни сообразил, что странные звуки, будившие его по ночам, это всего лишь шорох веток за окном, а не бормотание Данте в пустой гостиной ночь напролет, — но эта хмурая харя с впалыми щеками оставалась такой же противной, как и прежде, и все выпуклые места блестели, как будто люди несколько поколений только тем и занимались, что натирали их.

Кути дотянулся и потрогал нос.

Ничего не случилось. Нос был холодным и скользким. Кути взял бюст одной рукой за подбородок, второй за затылок и, аккуратно опустив его, поставил на белый каменный барьер топки.

Он сидел, скрестив ноги, перед камином и вспоминал, как Сидни Гринстрит в «Мальтийском соколе» ковырял перочинным ножом выкрашенную в черный цвет статуэтку птицы; Кути не представлял себе, что может оказаться внутри головы Данте, и решил, что проще всего будет разбить ее, чтобы выяснить это. Он только что взглянул на некрашеную нижнюю сторону бюста и выяснил, что это всего лишь гипс.

Но разбить его значило сделать бесповоротный шаг.

Он уложил в рюкзак рубашки, носки, белье, свитер, куртку и бейсболку, в кармане у него было почти триста долларов двадцатками и швейцарский ножик, но *не мог* сбежать, пока не разобьет бюст Данте.

Разбить и забрать то, что в нем окажется. Он рассчитывал найти золото, скажем, крюгерранды¹ или маленькие плоские слитки, похожие на домино.

Тут ему пришло в голову, что, даже если бюст не содержит ничего, кроме гипса, и столь же бесполезен, как та черная птица, которую добыл Гринстрит, его все равно необходимо разбить. Данте был... ну... флагом, эмблемой, тотемом всего того, во что родители все время старались превратить Кути.

Дрожащими пальцами он толкнул бюст. Он глухо стукнулся о камень, но не разбился, и теперь лежал, уставившись взглядом в потолок.

Кути выдохнул, ощущая одновременно и облегчение, и разочарование.

Поганая мумия, думал он. Медитация и широкий туннель, по которому души плывут к пресловутому белому свету. У его родителей было много картинок, связанных со всем этим. Пирамиды и Книга Тота, и реинкарнация, и послания от каких-то «древних душ» под названием махатмы.

Махатмы давно померли, но, похоже, постоянно болтались где-то рядом, чтобы поучать, как сделаться правильным мертвецом вроде них. И при этом они были скрытными — Кути ни разу не удалось увидеть никого из них, даже когда он неподвижно сидел несколько часов и упорно старался выгнать из сознания любые мысли, а его родители лишь уверяли, что краем глаза *замечали* этих старичков, которые, судя по всему, поспешно смывались за дверь в кухню, как только к ним пытались приглядеться как следует. По большей части их присутствие можно было определить лишь по тому, как они все переставляли — книги на полках, чашки в кухне. Если оставить в ящичке комода горсть мелочи, монеты обязательно оказывались собранными в столбики. Иногда по порядку дат чеканки.

---

¹ Крюгерранд — золотая монета ЮАР. (Здесь и далее прим. перев.)

Примерно в том же возрасте, когда его друзья стали подзревать, что Санта-Клауса не существует, Кути разуверился в махатмах и тому подобном: позднее его прямо-таки потрясло, когда в школе он узнал, что давным-давно на свете и в самом деле жил такой тип по имени Махатма Ганди, но один приятель, который видел кинофильм «Ганди», объяснил, что это был самый обычный человек, индийский политик, очень тощий, всегда одетый в какие-то подгузники.

Кути не разрешали *смотреть кино...* или телевизор и даже есть мясо, так что ему приходилось тайком бегать в «Макдоналдс» за бигмаком, а потом жевать резинку, чтобы отбить запах.

Кути хотел стать астрономом, когда вырастет, но родители и мысли не допускали о том, чтобы отправить его в колледж. Он не был уверен даже в том, что ему разрешат доучиться все четыре года в старших классах. Родители говорили ему, что он *чела*, как и они, и что его долг в жизни — м-м-м, это так просто и не скажешь — поладить с этими мертвецами. Стать для них «новым Кришнамурти» — нести их слово миру. Готовиться к тому, чтобы, когда помрешь, оказаться в этом туннеле.

А до тех пор никакого телевидения, или кино, или мяса, а когда вырастет, ему не суждено было жениться или даже вести половую жизнь — не из-за СПИДа, а потому, что махатмы этого не одобряли. Еще бы, думал он, чего от них еще ждать-то, если они мертвы и, очевидно, носят подгузники и все время заняты переключиванием чужих кофейных чашек.

Но самую большую подлянку родители подложили ему в тот день, когда он появился на свет — они *назвали* его в честь одного из этих самых махатм, мертвеца по имени Кут Хуми. Расти с именем Кут Хуми Парганас и неизбежным прозвищем Кути — вошь было... да, видел он множество толстяков и зайк, которых в школе безжалостно дразнили, но всегда жалел, что не мог поменяться ни с кем из них местами, взяв в придачу имя вроде *Стива*, или *Джима*, или *Билла*.

Он двумя руками поднял Данте на высоту дюйма в четыре и выпустил. *Бах!* Но бюст вновь не разбился.

Он не сомневался, что родители поклонялись этой штуке. Бывало, вечерами, уже отправившись в постель, когда ему вроде бы полагалось спать, он прокрадывался обратно и, заглядывая через щелку в гостиную, видел, как они кланялись перед нею и что-то бормотали, а в определенные дни — на Рождество, например, и Хеллоуин, с которого прошло чуть больше недели, — мать вязала для Данте крохотные шапочки и шарфики. Она обязательно надевала на него новые, ни в коем случае не прошлогодние, хотя и хранила все, что связала раньше.

И еще родители всегда убеждали Кути — излишне нервно, как ему казалось, что предыдущего хозяина дома по чистой случайности звали Дон Тей (иногда они говорили Ом Тей), и поэтому по ночам то и дело звонят какие-то пьяницы или сумасшедшие, и можно подумать, будто они хотят поговорить со статуей.

«Терминатор-2», «Пи-Ви» по телевизору, «Братья Марио» и «Тетрис» на «Нинтендо». Бигмак и иногда, тайком, «Мальборо». Рано или поздно колледж и, может быть, даже школу удастся закончить. Астрономия. Друзья. И тому подобное — с одной стороны.

Раджма, кхатте чхоле, масур-дал, мунг-дал, чана-дал — все это фасоль, приготовленная чуть-чуть по-разному. С другой стороны. И вдобавок махатмы, создание какого-то нового теологического ордена (вместо учебы в колледже) и никаких подружек.

Как будто у него была такая возможность.

«Тебе не нравится, что Мелвин прикоснулся к тебе, и на тебя переползли его виши? Так ведь у нас в классе есть своя собственная Вошь»¹.

---

¹ Имя Кути (*Kootie*) созвучно американскому слову, обозначающему платяную вошь — *cootie*.

Он стиснул челюсти с такой силой, что зубы заболели и из зажмуренных глаз брызнули слезы, но все же поднял Данте обеими руками над головой — сделал паузу — и швырнул его в камин.

Глухо треснув, бюст разлетелся на сотню белых крошащихся кусков, часть которых вылетела на зеленовато-коричневый ковер.

Он открыл глаза и несколько секунд, затаив дыхание и прислушиваясь к сердцебиению, просто смотрел на покрытые белой пудрой осколки. Потом он позволил себе выдохнуть и медленно протянул руку вперед.

На первый взгляд в камине валялись только острые обломки гипса, но, пошарив трясущимися пальцами в куче, он выудил оттуда брусочек размером с две карточные колоды, склеенные между собой. Он поднял находку — она оказалась тяжеленькой, — и, когда он стиснул ее, поверхность слегка *подалась*, выпустив облачко пыли, из-под пальцев посыпались крошки прилипшего гипса.

Он оглянулся на входную дверь и попытался представить себе, что сделают его родители, если сейчас войдут и увидят все это. «Очень может быть, — подумал он, — что-нибудь страшное».

Он принялся теревить податливую оболочку, скрывавшую содержимое, подковырнул уголок и понял, что это что-то вроде узорчатого шелкового носового платка, затвердевшего от гипса.

Отогнув угол — это оказалось просто, — он в две секунды развернул всю побелевшую от гипса тряпочку, и в руках у него оказался стеклянный брусочек. Его грани были слегка выщерблены, но он поблескивал, а его полупрозрачная глубь оказалась туманной, как дымчатый кварц.

Кути повернул его к свету, падавшему в окно...

И воздух словно задрожал, как будто где-то в небе ударили в огромный гонг, и он звенел и сотрясал землю на какой-то инфразвуковой ноте, слишком низкой для того, чтобы звук могло уловить человеческое ухо.

Горячие ветра Санта-Аны весь день расчесывали сухие травы на склонах гор Сан-Бернардино, как воздушный прилив продвигаясь на запад через разделенные расстоянием в несколько миль города Апленд и Фонтана, переливаясь через холмы Сан-Хосе в Лос-Анджелесскую низменность, откуда смахнули покрывало смога в море и позволили местным жителям с галлюцинаторной ясностью увидеть на фоне поразительно голубого неба пики Маунт-Вильсон и Маунт-Болди.

На улицах старых жилых кварталов пальмы гнулись, кивали головами и стряхивали сухие разлапистые листья на припаркованные автомобили, и красные плитки черепицы, распатанные летними дождями и ветрами, вываливались из цементного ложа и разбивались на проезжей части, сплошь и рядом представлявшей собою две полосы выбитого бетона с растущей между ними травой. В непрерывное посвистывание и стоны ветра вплеталось лишь хриплое карканье ворон, безуспешно пытавшихся лететь против ветра.

Поодаль, на улицах, окружавших Восточную Лос-Анджелесскую транспортную развязку, где идущее с севера 5-е шоссе расходится на автострады, ведущие к Золотым воротам, Санта-Монике и Голливуду, горячий ветер весь день раскачивал на рессорах большие неторопливые автобусы Управления пассажирского транспорта, громыхающие по размягченному жарким солнцем асфальту, и извечный запах дизельного выхлопа и озона, смешанный с легкой клубнично-сладкой отдушкой отбросов, в этот день сменился на совершенно непривычный дух далеких трав и раскаленных камней пустыни Мохаве.

И в мгновение, когда солнце спустилось к горизонту, вычертив на алом фоне четкие силуэты деревьев и баков нефтехранилищ, возвышавшихся на холмах к западу от Санта-Моники, гораздо больше, чем обычно, автомобилей вдруг принялось метаться из ряда в ряд, наезжать на дорожные бордюры, врезаться в фонарные столбы или газетные тумбы или катиться вперед перед красными сигналами